

ЮЛИЙ ЛИ

РОЖДЕННЫЙ В 77-м

18+

ОСКОЛКИ 90-х

Юлий Ли

Рожденный в 77-м: Осколки 90-х

«Автор»

2026

Ли Ю.

Рожденный в 77-м: Осколки 90-х / Ю. Ли — «Автор», 2026

Говорят, что те, кто родился на стыке эпох, в конце семидесятых — это потерянное поколение. Нам «повезло» застать сонные вздохи великого Советского Союза с его пионерскими линейками, а подростками оказаться на руинах империи в безумных, голодных и абсолютно свободных девяностых. Это живая хроника взросления обычного пацана, чья жизнь превратилась в безжалостный маятник между Бурятией и Якутией. Пройти через изнанку лагерей для трудных подростков, научиться выживать в глухой якутской тайге, держать удар на кулаках в уличных капканах Рабочего городка и лицом к лицу столкнуться с беглыми рецидивистами — и вопреки всему выстоять. Это история о том, как ковался характер. Честно, без выдумки, с дворовым колоритом и духом свободы. Пристегните ремни. Мы отправляемся в прошлое. Предупреждение: Все события основаны на воспоминаниях. Любые совпадения имен или судеб случайны, а образы — собирательны. При стилистической редакции текста использовались технологии искусственного интеллекта.

© Ли Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Улан-Удэ — Якутск. Две раздевалки и корейская закалка	7
Глава 2. Спартанский старт и бетонная стена Красного двора	9
Глава 3. Национальные сумерки, Король класса и рыцарские щиты	14
Глава 4. Забег в сапогах, мамин вердикт и часы отчима	18
Глава 5. Рабочие будни, вызов у забора и крах мечты	21
Глава 6. Звонок из прошлого, 25 рублей и футбол в носке	26
Глава 7. Больничные чертики, осы и район Рабочего городка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юлий Ли

Рожденный в 77-м: Осколки 90-х

Название: Рожденный в 77-м: Осколки 90-х

Автор(-ы): Юлий Ли

Ссылка: <https://author.today/work/643389>

Предисловие

Ты помнишь вкус чая из титана в плацкартном вагоне? Запах кассетного вкладыша, развернутого дрожащими от счастья руками? Помнишь, как замирало сердце в тихий час, когда со скрипом открывалась дверь и на пороге возникала строгая нянечка?

Рожденные в конце семидесятых и в восьмидесятых — этот текст для вас. Нам «повезло» оказаться на стыке эпох. Мы — поколение перелома. Застали сонные вздохи огромного Советского Союза с его круглосуточными детсадами, дефицитом и линейками. Подростками нас швырнуло в безумные, голодные, абсолютно свободные девяностые, где приходилось выживать. А молодость мы встретили в драйвовых двухтысячных — под звуки первых мобильных и миллениума.

Мое детство не было идеальным. Жизнь превратилась в бесконечную дорогу между двумя полярными точками на карте: из теплого Улан-Удэ со строгими корейскими правилами бабушки меня швыряло в ледяной Якутск к маме. Год там, год здесь. Новые дворы, новые лица, постоянные перелеты. Судьба швыряла меня из крайности в крайность.

На этих страницах я расскажу, как мне посчастливилось оказаться в «Орлёнке» — самом легендарном лагере страны. И как я попал в суровый лагерь для трудновоспитуемых подростков, которых собирали со всего города. Вы узнаете, каково это — после десятого класса вкалывать рабочим в глубокой тайге, среди уголовников и дикой природы.

Вы увидите, как мальчишеская мечта о собственном велосипеде, на который я упорно копил каждую копейку, испарилась в один миг. Это история о том, как мальчишка, когда-то насмерть дравшийся за собственные трусы в детсадовском тихом часе, учился держать удар в меняющемся мире — на кулаках, перед лицом предательства и в пятидесятиградусный мороз.

Эта книга — не учебник истории. Это моя личная, живая хроника взросления. Здесь нет выдумки. Только дворовый колорит, музыка на кассетах, дух абсолютной свободы и люди, которые сделали нас теми, кто мы есть.

Пристегните ремни. Мы отправляемся в прошлое.

Глава 1. Улан-Удэ — Якутск. Две раздевалки и корейская закалка

Моя история начинается в Улан-Удэ. Я родился в августе 1977 года — на самом излёте советской эпохи, которая ещё казалась вечной, но уже давала трещины. Семейная жизнь моих родителей закончилась, едва успев начаться: они развелись, когда мне исполнилось всего девять месяцев. Отца из раннего детства я не помню вообще. Наше первое осознанное знакомство случилось, только когда мне стукнуло десять лет, после чего он снова исчез из моей жизни — до моих семнадцати.

Фактически меня воспитывали три человека: мама, бабушка и дед.

До семи лет большую часть времени я проводил с бабушкой. Она была этнической корейкой с невероятно жестким характером и тяжелым, пронизывающим взглядом. Жизнь её не щадила: её родители в свое время бежали из Кореи на Дальний Восток, спасаясь от жестокой японской оккупации. Эта родовая травма, вечная борьба за выживание и суровая дисциплина отпечатались на ней навсегда. Спустя годы, уже повзрослев, я понял, какую огромную, определяющую роль эта сильная женщина сыграла в моей судьбе и формировании моего характера.

Но в самом детстве моим главным убежищем был дед. С биологической точки зрения он не был мне родным — просто муж бабушки. Но именно он любил меня больше всех на свете, и это чувство было абсолютно взаимным. Дед был моим островком тепла и безопасности в том суровом, зажатом в жесткие рамки мире.

Мама училась на дневном отделении, бабушка работала, поэтому меня отдали в кругло-суточный детский сад. Сейчас молодому поколению трудно это представить, но тогда это было нормой: ребенка приводили в группу утром в понедельник, а забирали только в пятницу вечером. Пять дней полной автономии от семьи. Пять дней выживания в детском коллективе.

Из того раннего детсадовского периода время стерло декорации, но оставило две яркие, врезавшиеся вспышки.

Первая вспышка — нежная и чистая. Моя самая первая, детсадовская любовь. Наши кровати в спальне ставили изголовьем друг к другу сквозь металлические решетки. В тихий час эта девочка просовывала свою маленькую ладошку сквозь прутья к моему лицу, а я целовал её руку. Это было невероятно трогательно.

Вторая вспышка — это ужас, смешанный с бунтом. У нас была невероятно строгая, злая нянечка. Если в сонный час мы бесились, скрипели кроватями или бегали по спальне, она резко, с грохотом распахивала дверь. Кого она ловила на месте преступления, ждало унижительное, жестокое наказание: няня прилюдно снимала с провинившегося трусы, и ребенок весь сонный час стоял голышом на кровати на виду у всей группы.

Один такой рейд я запомнил на всю жизнь. Мы заигрались, дверь распахнулась, и я просто физически не успел добежать до своей постели. Нянечка коршуном налетела на меня и мертвой хваткой вцепилась в мои трусы, пытаясь их содрать. Но во мне в ту секунду проснулась вся упрямая, жесткая порода моей корейской бабушки. Я мертвой хваткой вцепился руками в резинку. Няня тянула вверх изо всех сил, я соскользнул с кровати, упал, моя голова и спина оказались на полу. Она буквально таскала меня по ковру, пытаясь сломить мое сопротивление. Я ревел от страха, орал на весь сад, но трусы держал зубами и когтями. Свое достоинство я не отдал.

Поняв, что раздеть и сломать меня не получится, разъяренная нянька просто заставила меня стоять на кровати весь оставшийся сонный час. Я стоял, размазывая слезы по щекам, но в душе это была моя первая, выстраданная победа. Я научился держать удар.

Это круглосуточное улан-удэнское детство закончилось весной 1984 года. Впереди уже маячила школа, и маме предстояло обустриваться на новом месте. Мне было шесть лет, до первого класса оставалось полгода, и меня ждал самолет. Я улетал в Якутск, еще не зная, что с этого момента моя жизнь на долгие годы превратится в постоянный, безжалостный круговорот — я буду периодически летать туда и обратно: жить на Севере, а летом возвращаться к бабушке и деду в Бурятию.

Первый же виток этого жизненного круговорота на Север случился коварной северной весной. Якутск встретил меня туманом и колючим мартовским холодом. Город медленно таял, покрываясь коркой наста. Моему дворовому приятелю Гоге было на два года больше — непрекаемый авторитет по меркам улицы. Мы сидели за низким деревянным заборчиком палисадника, и Гоге стало скучно. От нечего делать он начал лепить плотные ледяные снежки и швырять их в проходящих девчонок. Девчонки на Севере в то время были жесткими, боевыми, да еще и старше нас.

— Гога, хорош, огребем же! — канючил я, пытаюсь дергать его за рукав. Я уже тогда спинным мозгом чуял последствия.

Гога не послушал. Кинул очередную ледышку прямо в пальто самой крупной девчонке. Девчачий отряд сразу же развернулся и с яростными криками бросился на нас. Гога, не теряя секунд, рванул с места так, что только пятки засверкали. Я припустил за ним. Страх подстегивал, девчонки дышали в затылок. И тут прямо передо мной выросла дренажная открытая канава — бетонный желоб глубиной с метр. Я решил перепрыгнуть её с ходу. Оттолкнулся изо всех сил, думая: «Если не долечу, хотя бы руками за край зацеплюсь».

Расчет оказался в корне неверным. Ноги скользнули по насту, толчок сорвался, и я полетел вниз головой. Получился чистый, классический нырок в бетонное русло. Удар. Темнота.

И они ушли. А я остался. Горячая кровь хлынула из рассеченного лба так, что в один миг залила всё лицо, глаза, воротник куртки. Я ревел в голос, размазывая эту кровавую жижу по щекам. Шел по улице, подходил к редким прохожим, протягивал руки: «Помогите...» Но люди в советских пальто шарахались от меня, как от чумного, брезгливо поджимая губы — боялись испачкать свою чистую одежду чужой кровью.

На мою удачу, мимо шла женщина с матерчатой сумкой. Она единственная не испугалась: подбежала, достала из закров сумки чистый бинт, ловко перевязала мне голову и за руку отвела домой. Дальше всё было как в тумане: перепуганная мама, такси, травмпункт. Рентгеновский аппарат, вердикт врача — «легкое сотрясение мозга», колючие стежки иглы прямо по живому лбу. Зашили и отпустили.

После этой истории с сотрясением мозга мама решила от греха подальше отправить меня на лето обратно в Улан-Удэ, к бабушке и дедушке — подальше от коварного северного бетона.

Бурятское лето на Верхней Березовке после северного кошмара показалось мне раем. Дед держал там дачу, дни тянулись лениво и спокойно. Я подружился с Мариной, моей ровесницей с соседней дачи, и мы целыми днями пропадали на улице. А по вечерам на веранде, под непрерывный стрекот цикад, я до боли в зубах сосредоточивался на игре в шахматы — дед часами сражался с отцом Марины, а я внимательно следил за каждым их ходом, впитывая правила взрослой игры. Мой дед был моим главным островком тепла, и рядом с ним страхи отступали. На моем лбу в это время постепенно затягивался и белел аккуратный шрам — свежая память о жестком якутском бетоне. В августе 1984 года мне исполнилось семь лет. Дошкольное детство официально подходило к концу. Впереди меня ждало 1 сентября, первый класс и суровая спартанская линейка...

Глава 2. Спартанский старт и бетонная стена Красного двора

Линейка 1 сентября 1984 года в Улан-Удэнской школе № 14 встретила нас жутким пере-населением — классы были забиты под завязку детьми эпохи бэби-бума. Мне только-только исполнилось семь лет. Мама прилетела прямо к началу праздника.

В нашей школе существовала дикая традиция: в первый же день все первоклассники должны были бежать наперегонки вокруг здания. Парадную форму мы сбрасывали прямо на улице, переодеваясь на глазах у огромной толпы взволнованных родителей. И вот старт. Нас выстроили в шеренгу — человек сто пятьдесят испуганных, разномастных детей. Прозвучала чеканная команда. Толпа ломанулась вперед, сминая друг друга.

Сразу на старте начался настоящий ад. Малыши спотыкались, падали на асфальт, на них с разбегу налетали сзади. Поднялся дикий ор. Разбитые в кровь коленки, порванные на локтях белые рубашки. Человек двадцать просто лежали на земле, плакали, слегка затоптанные несущимся стадом. Я в ужасе затормозил, глядя на это побоище. Но инстинкт выживания победил. Я начал аккуратно, но быстро перепрыгивать через упавших детей, как через барьеры. Вырвался на оперативный простор и побежал вокруг этой огромной школы, обгоняя одного за другим. На последнем повороте силы начали стремительно таять, легкие жгло огнем. И тут наперерез из толпы выскочила моя мама. Она побежала рядом со мной в своих туфлях и отчаянно закричала:— Сына, давай! За мной! Беги!

И я выдал финишный рывок. Это была моя первая суровая победа и третье место в суровом забеге.

В Улан-Удэ мне запомнились две вещи: торжественное принятие в октябрюта и... снеговик. На уроке мы всем классом увлеченно лепили большого снеговика во дворе, а на перемене пришли старшеклассники и с хохотом разнесли нашего снеговика.

В школу я всегда ходил один. Светофоров в округе не водилось, приходилось перебежать дорогу на свой страх и риск, лавируя перед капотами редких советских машин и громяющих трамваев. Приходилось быть начеку, потому что бабушка следила за мной тайно. Она устраивала настоящие засады, наблюдая из-за дальних углов или деревьев вдоль моего маршрута, но на улице себя никак не выдавала. Обо всех моих грехах я узнавал уже на пороге квартиры — дома мне за это лавирование попадало по полной программе. Такой невидимый тотальный контроль работал лучше любого регулировщика — поэтому дорогу я переходил максимально аккуратно.

Проучившись в 14-й школе до декабря, я снова собрал чемодан. Меня ждал самолет Як-40, дозаправка в Чите, тошнотворный Чульман и морозный Якутск, где мне предстояло продолжить первый класс в небольшой деревянной школе.

Якутск встретил меня туманом и колючим январским морозом 1985 года. Мама устроила меня в новую школу и в первый же день попыталась подстраховать: познакомила с Серегой, сыном своей коллеги по работе. Серега был крупным, на полголовы выше. Ладно, думаю. Своя спина в чужом классе — это уже победа. Вместо цивилизованного питьевого фонтанчика в коридоре школы стоял огромный алюминиевый бак. К нему на толстой ржавой цепочке была привязана одна-единственная алюминиевая кружка. Из нее без разбора пили все ученики и преподаватели. Никто её, естественно, не мыл — сполоснут остатками воды на доньшке, и ладно. А школьный туалет на севере — это вообще отдельный круг ада. Он находился в неотапливаемой деревянной пристройке, похожей на длинную веранду. Внутри — жуткий холод, клубы пара изо рта и три дырки в дощатом полу, залитом замерзшей до состояния желтого

глянцевого монолита мочой. Скользишь по этому льду в валенках, а снизу дышит лютый якутский мороз.

Новая школа быстро решила проверить меня на прочность. На седьмой день учебы у алюминиевого бака с водой меня якобы нечаянно толкнул одноклассник Алекс. Выставил вперед подбородок и процедил: «После уроков за школой. Поговорим. Нас будет трое». Внутри похолодело. Я сразу подошел к Сереге, сыну маминой коллеги: «Алекс поговорить со мной хочет, их будет трое. Поможешь?» Серега уверенно кивнул: «Не сы, отмашемся».

Когда прозвенел последний звонок, крыльцо школы встретило нас ледяным ветром. Чуть в стороне, у железного забора, уже стояла троица: Алекс и двое рослых, хмурых парней-второгодников, одним из которых был Чука. Я сделал шаг вперед. Оглянулся на Серегу... Но Сереги рядом не было. Мой «надежный тыл» уже сверкал пятками, в два прыжка взлетая обратно на школьное крыльцо. Тяжелая дверь за ним захлопнулась. Я остался один.

Сзади прилетел резкий, тяжелый толчок в спину. Меня бросило вперед. Я на автомате развернулся, сжимая кулаки, готовый вцепиться в обидчика, но тут же получил новый удар в спину от Чуки. Они начали швырять меня между собой, как тряпичную куклу. Сам Алекс стоял чуть в стороне, засунув руки в карманы, и с ухмылкой наблюдал за этой «игрой в собачку». В какой-то момент я разозлился, резко развернулся, чтобы перехватить чужую руку... Но вместо ладони мне в лицо прилетел кулак. Короткий, подлый удар прямо в нос.

В глазах вспыхнули искры. В носу хрустнуло, и по губам, заливая воротник школьной формы, хлынула горячая, густая кровь сразу из двух ноздрей. Слезы брызнули из глаз сами — не от страха, а от дикой обиды. Я рванулся в сторону, вырвался из кольца и побежал домой, размазывая кровь по лицу рукавом.

Кровь я останавливал сам, намочив холодным кухонным полотенцем переносицу и запрокинув голову на спинку дивана. Нос распух, превратившись в багровый картофель. Но больше всего была пустота внутри. Слова мамы — «Прекрати ныть и утри сопли» — выжгли во мне остатки детской наивности. Я понял: если завтра меня снова прижмут у забора, никто не прибежит на помощь. Из Улан-Удэ не приедет бабушка. Мама не бросит работу. Я один на один с этим хмурым, затянутым ледяным туманом городом.

В класс на следующий день я зашел за пару минут до звонка. Стоило мне переступить порог кабинета, как разговоры притихли. Мой синяк на пол-лица и опухший нос были лучшей рекламой вчерашней «прописки». Серёга сидел на своем третьем ряду. Увидев меня, он резко опустил глаза и начал с преувеличенным вниманием ковырять пеналом парту. Я не стал к нему подходить. Внутри горела глухая, взрослая злость. Было понятно, что «сын маминой коллеги» для меня больше не существует. Но Алекс и его банда второгодников были огромной проблемой.

Моё спасение пришло откуда не ждали — из родного двора. Наш микрорайон делился на большие дворы, наш назывался «Красным». Всё просто: из трех окрестных домов два были выложены из дефицитного тогда красного кирпича. Но гордиться стоило не кирпичом, а контингентом. В Красном дворе подрастали такие хулиганы, которых в лицо знала вся округа. Половина из них железно состояла на учете в детской комнате милиции. Парни были старше меня на два-четыре года — огромный авторитет. Заправляли всем двое самых отъявленных: Аркаша и Фукс. По какой-то причине они относились ко мне, мелкому, по-доброму и взяли под крыло.

В один из выходных дней мы, пацаны Красного двора, пошли играть в войнушку в соседний «двор Аэрофлота». У большинства парней автоматы были самодельными, деревянными, а у меня был повод для гордости — настоящий покупной пластмассовый автомат, который мне достала мама. Мы ввалились туда как хозяева жизни, и тут среди местных парней я неожиданно увидел его, Алекса. Увидев меня, обидчик сразу приосанился, решил выпендриться перед сво-

ими:— Слышь, новенький! Это чё за фуфло у тебя в руках? Где ты этот кусок пластмассы откопал? На помойке?

Алекс совершил главную ошибку в своей жизни — он понятия не имел, с кем я пришел.

Мои старшие пацаны из Красного двора сразу же свернули игру. Фукс сделал шаг вперед, поигрывая плечами, и процедил сквозь зубы:— Ты чё, за метлой не следишь? Рот закрой, шелупонь, пока зубы на снег не посыпались.

Алекс побелел. Спесь с него слетела в секунду. Он бросился к Роме — местному парню из двора Аэрофлота, который был постарше и жил с Алексом в соседнем подъезде: «Ром, тут красные наезжают...» Но Аркаша перехватил инициативу:— Слышь, Рома. Раз твоя дворовая шпана не понимает, кто мы такие и чьих парней трогает, то ты сам ему сейчас это и объяснишь. Давай, учи соседа хорошим манерам. Если не хочешь сам на его место лечь. Начинай.

Рома спорить с хулиганами Красного двора не посмел. Жить хотелось всем. То, что произошло дальше, я запомнил на всю жизнь. Рома с каким-то остервенением и пристрастием начал бить своего же соседа Алекса. Он отвешивал ему тяжелые затрешины, пинал, гонял по всему заснеженному двору Аэрофлота. Хулиган позорно ревел, размазывал сопли по лицу, закрывал голову руками и умолял: «Рома, не надо! Рома, за что, прекрати!»

Я стоял в стороне и молча смотрел на это зрелище. В моих силах было остановить это избиение. Старшие пацаны уважали меня, и если бы я сказал «хватит», Рома бы остановился. Но я молчал. Внутри меня жила сладкая, обжигающая справедливость. Это был возврат долга за разбитый нос, за Серегино предательство и за ледяные гудки маминого телефона.

Когда всё закончилось, Фукс хлопнул меня по плечу:— Короче, мелкий. Если кто в школе еще раз посмеет рот в твою сторону открыть — просто зови нас. Мы им быстро прописку оформим.

На следующий день я шел в школу совершенно другим человеком. Страх исчез. Ноги больше не подкашивались у школьных ворот. Я четко знал: за моей спиной стоит бетонная, непробиваемая стена Красного двора. Стоило мне зайти в вестибюль школы, как ко мне трусцой подбежал вчерашний гроза моего класса Алекс. Глаза у него были круглые, заискивающие:— Слышь... — шмыгнул он носом. — А давай... давай дружить, а?

Так у нас в классе установился мир, и именно тогда Алекс стал моим школьным приятелем. Мы сблизились, в моем суровом северном мире он оказался проводником в совершенно другую, роскошную жизнь. У Алекса дома водились сокровища: легендарная игра «Электроника ИМ-02», где Волк ловит яйца, и фильмоскоп-проектор, на котором мы крутили диафильмы на белой простыне. Первые учебные месяцы пролетели быстро, первый класс остался позади.

Правда, уже на самых первых летних каникулах 1985 года, после окончания первого класса, произошло событие, о котором я знаю исключительно по рассказам мамы. Сама моя память предпочла стереть этот кошмар, полностью заблокировав воспоминания в глубинах подсознания. Мне было семь лет. Мама рассказывала, что купила мне новенький, пахнущий свежей краской велосипед «Школьник». И в первый же день я вернулся домой сильно избитый, в слезах, держа в руках... один только открученный велосипедный руль.

С её слов, на улице меня окружила банда парней постарше. Они попытались силой отобрать велик. Я защищал свою мечту как мог — вцепился в «Школьник» мертвой хваткой и ни за что не отпускал, несмотря на сыпавшиеся удары. Поняв, что вырвать велосипед из моих рук не получится, нападавшие просто достали ключи и открутили руль, за который я держался, а сам велосипед утащили. Мой мозг посчитал эту психологическую травму слишком тяжелой и навсегда скрыл её.

После этого случая мама постоянно попрекала меня этой потерей. Каждый раз, когда заходила речь о новой покупке, она отрезала: «Если купим тебе новый, его снова отберут в первый же день!». Я оставался на обочине жизни. Когда все дворовые парни с хохотом и гро-

хотом проносились мимо на своих великах, я один стоял в стороне — у меня единственного во всем дворе не было колес. Жуткая пацанская обида. Чтобы хоть как-то занять себя, мне приходилось уходить к девчонкам и вместе с ними часами прыгать во дворе в «резиночки». Пацаны подкалывали, смотреть на их гонки со стороны было невыносимо. Я молчал, но внутри затаилась глухая, взрослая цель: я докажу маме, что могу быть сильным, и заработаю на новый велосипед сам.

Единственной пацанской отдушиной, помимо «резиночек», была игра в «Казаки-разбойники». Суть была простой: казакам нужно было переловить всех разбойников или поймать хотя бы одного, но допросить его с таким пристрастием, чтобы он выдал секретный пароль команды. Если казаки узнавали пароль — они побеждали. Пацаны пойманных девчонок, конечно, сильно не пытали. Зато девчонки отыгрывались на нас по полной программе. Они подходили к делу с каким-то особым, изощренным садизмом, один в один как вьетнамцы над пленными американцами. Они безжалостно выкручивали нам руки, гнули пальцы, заламывали запястья. Было реально больно! Но это была честная уличная школа.

С этого момента моя челночная жизнь снова сделала разворот, и я улетел на лето обратно в Улан-Удэ к дедушке и корейской бабушке. Любимый дед встречал меня прямо в аэропорту, у самого трапа. Специально в честь моего приезда он покупал живого барана. Целую неделю этот баран жил у нас на даче, и я подкармливал его свежей травой с грядок. А перед выходными наступал час икс.

Мой дед был профессором ветеринарных наук и всегда утверждал, что у баранов — самая гуманная и безболезненная смерть. Животному связывали ноги и переворачивали на спину. Дед аккуратно надрезал живот, вводил руку внутрь и вел её вверх по позвоночнику к самой шее, где пролегла главная артерия. Там он просто поддевал и разрывал её пальцем. Кровь медленно стекала внутрь в ребра, и баран тихо, без судорог и страха, засыпал. В пищу шло абсолютно всё: от нежнейшего мяса до крови и кишок, которые у нас считались особым деликатесом.

Такие гастрономические праздники на даче устраивались почти каждые выходные. В дачном поселке это было общим делом — мы дружно кочевали на застолья от одних соседей к другим. Взрослые под вечер вовсю распивали спиртные напитки, а мы с дачной подружкой Маринкой ходили и собирали из пустых бутылок недопитые капли, после чего увлеченно приправлялись пьяными, шатаясь по деревянной веранде.

Но главным, самым ярким гастрономическим потрясением того лета стали вовсе не деликатесные кишки, а бананы. До этого я никогда их не пробовал. В Бурятию их привозили крайне редко. За ними выстраивались безумные очереди, змеившиеся прямо по улицам. И самым обидным было отстоять в этой толпе несколько часов и прямо перед своим носом услышать сухое: «Бананы закончились!». В Якутске, к слову, о таком вообще не слышали — там к Новому году завозили разве что венгерские яблоки и мандарины, а в обычные дни мы довольствовались замороженными прессованными овощами в картонных коробках размером с пачку рафинада. Среди этих ледяных овощей всегда попадалась одна-единственная маленькая помидорка. Я бережно доставал её, растапливал на батарее и ел. На вкус она была водянистой, но для меня тогда — лучшим лакомством на свете.

Так вот, в Улан-Удэ бабушке чудом удалось отстоять ту дикую очередь и купить заветный килограмм бананов — больше в одни руки просто не давали. Они были полностью зелеными и дубовыми. Бабушка бережно спрятала их в темную кладовку «доходить». Я, изнывая от нетерпения, по сто раз на дню приоткрывал заветную дверь в надежде на чудо. И вдруг они пожелтели! Бабушка выдавала мне их строго по одному в день. Это было настолько божественно вкусно, что после съедения самого плода я еще долго передними зубами соскребал со шкурки самые мелкие остатки сладкой мякоти.

Но теплое бурятское лето пролетело сытым вихрем. Опять этот проклятый самолет Як-40, опять изнуряющие воздушные ямы. Когда меня в очередной раз выворачивало наизнанку в бумажный пакет под гул турбин, я сквозь слезы иступленно думал: «Всё. Это точно последний раз!». Но колесу судьбы было плевать на мои детские клятвы. Меня снова ждал Якутск, где на самом пороге каникул меня ждала встреча, определившая всё мое дальнейшее дворовое детство...

Глава 3. Национальные сумерки, Король класса и рыцарские щиты

По приезде на Север после первого класса меня ждал сюрприз: в августе 1985 года мне исполнилось восемь лет, и именно в то лето в наш Красный двор переехал новый мальчишка по имени Сёма. Он был на полголовы выше меня, и поначалу казалось, что он старше как минимум на год. Но оказалось, что Сёма младше меня на год и только собирался в первый класс — ему было семь. С ним мы подружились быстро, став буквально неразлейвода.

В один из жарких летних дней мы решили добежать до автобусной остановки, чтобы попить газировки. Тогда на улицах еще стояли те самые легендарные советские автоматы. Внутри каждого послушно ждал один-единственный граненый стакан. Мыли мы его тут же: переворачивали вверх дном, нажимали на специальный круг, и снизу под давлением выплёскивались прохладные струйки воды. Чистая газировка стоила одну копейку, а с сиропом — три копейки. Найти копейку на земле возле остановки было делом нехитрым. А если её там не оказывалось, можно было спокойно подойти к любому взрослому и спросить: «Извините, у вас не будет копейки?». Люди тогда были другими — никто никогда не отказывал.

Утолив жажду, мы присели на скамейку, и Сёма с важным видом предложил:— А давай я тебе весь Якутск покажу? Я четко знаю, как тут автобусы ходят!

Денег на проезд у нас, конечно же, не было. Но в те годы это не казалось непреодолимым препятствием: в автобусах стояли кассы, и можно было для виду бросить в прорезь какую-нибудь мелкую деталь или просто сделать вид, что кинул монетку, покрутить ручку и отрезать себе билетик. Строгих кондукторов мы не боялись. Боялись другого — было просто дико стыдно перед остальными пассажирами, что ты зашел в транспорт и не расплатился за проезд.

В итоге Сёмина топографическая уверенность дала сбой. Мы окончательно запутались в маршрутах и заблудились. Крайний автобус, в который мы сели в надежде вернуться, увёз нас очень далеко от города и остановился посреди глухого леса. Водитель хмуро объявил по громкой связи, что это конечная, обратно он не поедет и вообще этот рейс сегодня последний.

Мы вышли из салона на разбитый асфальт. Вокруг — звенящая тишина, а слева и справа стеной высился бесконечный северный лес. Мы побрели назад пешком. Часов у нас не было, но в Якутске летом стоят полярные белые ночи — солнце почти не садится, светло как днем, и мы напрочь потерялись во времени. Нам казалось, что еще совсем не поздно.

Вдруг на пустынной дороге возле нас с визгом затормозил «Уазик». Из кабины вышел мужчина, внимательно осмотрел двух одиноких пацанов и спросил, откуда мы и куда держим путь. Мы честно признались, что заблудились и не знаем, как дойти до дома. Мужчина спросил наш точный адрес, посадил на заднее сиденье и довез прямо до той самой остановки, с которой началось наше «путешествие».

Нам было безумно неудобно ехать бесплатно, и мы очень хотели расплатиться с нашим спасителем. Поскреба по карманам, мы наскребли ровно шесть копеек. Водитель сначала наотрез отказывался брать эти несчастные монетки, добродушно улыбаясь, но мы с Сёмой проявили такую пацанскую настойчивость, что в итоге уговорили его принять нашу плату.

Когда мы вышли из машины и спросили у кого-то на улице время, внутри всё похолодело. На часах было 23:30.

Мы быстрым шагом припустили к своему двору. Я уже во всех красках представлял, что со мной сейчас сделает дома мама. Но стоило нам завернуть за угол дома, как мы оцепенели. Навстречу нам шла Сёмина мама — она была в глубочайшей истерике, лицо опухло от слез. А рядом шел Сёмин папа. В руке он сжимал огромный, тяжелый деревянный дрын. Он был невероятно, страшно зол. Отец друга просто ел нас глазами, и в ту секунду мне показалось, что

я прямо сейчас отхвачу по первое число сначала от него, а потом, для закрепления материала, ещё и дома. Оказалось, что мы подняли на уши полгородка. Нас уже несколько часов искала милиция, а все знакомые и соседи прочесывали местность в округе. К моему удивлению, дома мама меня даже не ругала. Она просто крепко обняла меня, тяжело вздохнула и тихо сказала: «Слава Богу, что всё хорошо закончилось...».

А в сентябре 1985 года начался мой второй класс (Сёма пошел в первый). Улицы Якутска конца восьмидесятых быстро сбивали спесь, напоминая, что за пределами школы мир устроен гораздо сложнее и жестче. Это была переломная эпоха, когда в морозном воздухе начинал отчетливо пахнуть глухой, злой национализм. Старшеклассники уже вовсю пытались создавать первые серьезные дворовые группировки — «металлисты» в косухах и заклепках шли стенка на стенку против широштаных «брейкеров». Мы, мелкие пацаны, всегда сбегались огромной толпой поглазеть на эти вечерние сходки, отчаянно надеясь на грандиозное «шоу». Но старшаки обычно просто хмуро курили в тумане, переругивались и расходились. Настоящие, кровавые драки происходили тихо, в подворотнях, и чаще всего именно на национальной почве.

Один такой случай перевернул мое детское сознание. Вечером во втором классе я пошел к кинотеатру «Центральный» посмотреть новую афишу. Город уже тонул в густых синих сумерках. Вдруг на центральной улице я увидел дикую картину: шли четыре человека якутской национальности. Сценарий у них был отработан до автоматизма — они подходили к проходящим русским мужчинам, нагло просили закурить и тут же, без предупреждения, со всей дури били кулаком в лицо. И шли дальше. Самое жуткое было в реакции тех, кто получал удар. Видя численное превосходство хулиганов, мужчины не разворачивались в ответ, а просто утирали кровь и тихо, угрюмо шли следом за этой четверкой. На моих глазах сзади них накопился молчаливый хвост человек из восьми.

И вот — очередная жертва. Четверо снова подходят к русскому мужику, просят сигарету и вскидывают кулаки. Но этот мужик оказался не из робкого десятка. Он не стал пятиться, а сразу принял бой один против четверых. Они навалились на него разом, пытаясь завалить, но не тут-то было. И в эту же секунду сработал эффект сжатой пружины: все те восемь человек, которых они побили до этого, увидев отпор, с диким ревом бросились вперед. Хулиганов начали яростно избивать толпой, возвращая долги. Четверка сломалась и бросилась врассыпную.

В ту же секунду я побежал за одним из них. В погоню за ним же бросился еще один взрослый парень — тоже якут. Мы бежали долго, петляя по дворам, пока этот парень на полной скорости не поставил беглецу жесткую подножку. Хулиган покатился по земле, и догнавший его парень начал пинать его с какой-то яростной, личной страстью. Я до сих пор помню слова, которые он выплевывал с каждым ударом:— Из-за таких, как ты, тварей, нас, как народ, не уважают!

Эта уличная суровость требовала соответствовать ей и в школе. Первые дни учебы во втором классе проходили как обычно. На большой перемене у нас был свой незыблемый ритуал: дежурные приносили горячий чай и свежие булочки. Мы чинно шли с подносами, забирали свою еду и несли её за парты. Всё было мирно, пока в один из дней я случайно не наступил на ногу Лёхе — признанному и непререкаемому «королю» нашего класса.

Лёха терпеть это не стал и сквозь зубы бросил в мой адрес какое-то злое, унижительное оскорбление. Я аккуратно поставил поднос на парту. До сих пор не знаю, что в ту секунду на меня нашло. Я просто налетел на него и начал быстро-быстро, без остановки лупить его кулаками. В голове набатом стучала одна мысль: «Надо идти до самого конца. Не останавливаться». Я прекрасно понимал, что за Лёхой стоит нехилая ограда из авторитетных друзей. Если я дам слабину сейчас, всё закончится официальной дракой за школьным забором, которую я могу просто не вывезти. Лёха от неожиданности выронил поднос, еда полетела на пол, а я продол-

жал методично вбивать кулаки в его лицо. Бил до тех пор, пока Лёха не сломался и громко, навзрыд не заплакал прямо перед всем классом.

В ту минуту я официально стал новым королем класса. Лёха реванша так и не попросил, а мой статус закрепился надолго. Теперь я стал официальным защитником для своих: регулярно заступался за одноклассников, из-за чего мне не раз приходилось драться — пацаны всегда с гордостью выставляли меня на кулачные поединки против любых сильных парней из параллели.

Именно этот авторитет однажды спас моего лучшего друга Сёму. Дело было зимой во втором классе, когда Сёма учился в первом. Я возвращался домой из магазина, бережно неся в руках свежую, пахнущую морозом булку хлеба. Вдруг на другой стороне улицы я заметил дикую картину: толпа человек из семи ожесточенно бьет какого-то длинного парня. Нашего Сёму — высокий рост с самого начала привлекал к нему ненужное внимание школьной шпаны. Как оказалось, в тот раз на него напали собственные одноклассники.

Увидев, как прессуют моего друга, я, забыв обо всем на свете, с этой булкой замерзшего хлеба наперевес рванул прямо через дорогу. Нападавшие пацаны мельком обернулись, сразу же узнали Короля второго класса в лицо и... с криками бросились врассыпную во все стороны. Моего появления оказалось достаточно, чтобы разогнать целую банду. После этого случая Семёна в школе больше никто и никогда не смел тронуть пальцем. Правда, с самим Сёмой мы всё равно умудрялись драться стабильно каждый год: когда мы играли вместе несколько дней подряд без перерыва, Сёма банально уставал от моего постоянного присутствия, начинал раздражаться, и всё перерастало в яростную рукопашную драку. Мы от души колотили друг друга, выпускали пар, а потом очень быстро мирились, как ни в чем не бывало. По меркам нашего сурового северного детства мы считали такую дружбу нормальной, здоровой нормой.

В середине того же второго класса система нанесла мне неожиданный удар. Я заболел. Именно в эти дни в школе проходило важное, торжественное награждение и массовый прием в пионеры. Я лежал дома с высокой температурой, и мне было до слез, до удушья обидно: большинство моих одноклассников вернулись в класс с новыми галстуками, а я остался за бортом этого праздника жизни.

В те унылые недели вынужденного домашнего ареста моим единственным спасением и главным окном в другие миры стали книги. В то время большинство советских детей читало запойно. Я вовсю глотал серьезную литературу, которая вообще близко не относилась к школьной программе начальных классов. Моими любимыми стали суровая повесть «Борьба за огонь» Жозефа Рони-Старшего и историческая хроника «В грозную пору» Михаила Брагина. Кроме чтения, смотреть дома было решительно нечего. По нашему старому черно-белому телевизору детские передачи крутили редко, а его ручка переключения каналов давно сломалась. Нам приходилось переключать передачи обычными плоскогубцами. Хуже всего было, когда внутренний переходник соскакивал и падал глубоко внутрь корпуса. Тогда приходилось брать отвертку, откручивать заднюю крышку, копать среди пыли, выуживать эту деталь и заново устанавливать её на место.

Музыку я слушал на проигрывателе грампластинок, но настоящим поводом для зависти всей округи стал кассетный плеер с наушниками, который мама привезла мне из Финляндии. Правда, этот красный импортный аппарат постоянно зажёвывал магнитную ленту. Приходилось ювелирно доставать кассету, чтобы не растянуть плёнку, а потом скручивать её обратно, вращая катушку обычным граненым карандашом. Мама регулярно выписывала мне журналы «Весёлые картинки» и «Мурзилку», а себе — сатирический журнал «Крокодил», над карикатурами из которого мы часто смеялись. Когда руки просили дела, мне покупали сборные модели кораблей. Один был военный, из белого пластика — там все мелкие детали нужно было ювелирно вырезать ножовкой и сажать на клей. Другой — пожарный, попроще, но невероятно

красивый. Когда я его собрал, он долго стоял у нас в серванте за стеклом, как символ моей усидчивости.

Вскоре второй класс подошел к концу, и дорога снова позвала меня на летние каникулы в Улан-Удэ к дедушке и корейской бабушке. Окрепнув за лето, я вернулся во двор совершенно обновленным. Наш Красный двор как раз всю бредил масштабными рыцарскими боями (это был конец лета 1986 года). Недалеко от наших домов стояло кафе-мороженое, возле которого постоянно оставалось огромное количество пустых деревянных бочек. Мы быстро нашли им применение: аккуратно снимали с них крепежные металлические кольца, и бочка сама распадалась пополам. Затем в ход шли старые, отслужившие свое школьные ранцы — мы срезали с них прочные лямки и прибавляли их к этим половинкам бочек. Получался отличный, тяжелый щит. Мечи мастерили из старых деревянных лыж, которых в каждой советской семье было навалом — родители покупали их нам каждый год по мере нашего роста. С таким арсеналом мы чувствовали себя настоящим средневековым войском.

Самое интересное начиналось, когда мы объединялись с соседними дружественными дворами. Наша армия состояла из пацанов в возрасте от 8 до 11 лет и насчитывала обычно человек тридцать-сорок. Против нас выходила точно такая же внушительная толпа ребят с враждебных территорий. И вот вечер. Наша фаланга стоит в ожидании, а метрах в пятисот из-за угла медленно выдвигалась армия соперников. Мы замирали и во все глаза старались сосчитать их по головам — намного ли их больше или меньше, чем нас? Часто количество волшебным образом совпадало с нашим. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, оценивая силы, а потом кто-то один истошно орал: «Ура-а-а!», и вся эта лавина с диким топотом неслась навстречу друг другу. Дальше гремело яростное столкновение. Все принимались фигачить друг друга деревянными мечами. Бой продолжался до тех пор, пока из команд не начинали один за другим вылетать бойцы. Мы почти всегда побеждали. Помню, как-то раз сразу после нашей очередной победы тронулся автобус «ПАЗик». Пьяный водитель, засмотревшись на наше побоище, врезался в столб. Во все стороны с грохотом посыпались яркие электрические искры. Мы тогда решили, что этот праздничный салют устроила сама судьба в честь нашей грандиозной победы.

Но один раз система дала сбой. Мы не смогли вовремя мобилизовать наши силы и собрать заветные тридцать человек. Нас набралось от силы человек семь — маленькая кучка пацанов с лыжными мечами. Всё шло по привычному сценарию: из-за угла вышла вражеская армия, вот только их было никак не меньше сорока человек. Полное превосходство. Мы переглянулись. Внутри всё сжалось. По-хорошему, надо было разворачиваться и со всех ног убегать в глубь своих подъездов, иначе нам бы навалили люлей и с хрустом переломали все наши мечи. Мы подумали: «Будь что будет!» — и с отчаянным криком «Ура!» двинулись на эту огромную толпу.

До столкновения оставалось каких-то тридцать метров. Я уже зажмурился, приготовившись принимать удары со всех сторон, как вдруг происходит невероятное: вся эта сорокаголовая толпа врагов резко разворачивается и в панике начинает убегать обратно за угол! Мы застыли посреди дороги в полнейшем недоумении. А когда удивленно оглянулись назад, всё сразу встало на свои места. Позади нас, на велосипеде «Кама», прямо на врага гордо катили наши дворовые авторитеты — Фукс и Аркаша. При этом Аркаша стоял в полный рост и с хищной ухмылкой со всей дури размахивал вокруг своей головы огромным строительным жгутом из белого пенопласта-утеплителя. Выглядело это так, будто на подмогу скачет тяжелая конница с боевыми цепями.

Наверное, это была наша самая последняя большая детская война, но впереди меня ждал третий класс, триумфальный пионерский галстук и новые, куда более коварные уличные мифы... Которые чуть не лишили меня статуса непобедимого лидера в первом же осеннем забеге.

Глава 4. Забег в сапогах, мамин вердикт и часы отчима

В беге на длинные дистанции я был чемпионом среди классов. Обгонял всех сверстников с огромным, почти неприличным запасом — видимо, сказались хорошие гены отца, который бегал профессионально. Свою непобедимость я воспринимал как должное, пока в начале третьего класса по моей короне не был нанесён первый неожиданный удар.

Вместе с нами учился парень по имени Андрей. Самый маленький, щуплый, хилый пацан в классе, который постоянно подвергался нападкам и насмешкам со стороны одноклассников. Вечно последний во всём. И вот в сентябре, перед традиционным осенним забегом на длинную дистанцию, этот маленький Андрей вдруг уверенно и громко заявляет на всю раздевалку: «Сегодня я прибегу первым! Я всё лето тренировался!». Нас это, конечно, знатно насмешило. Кто ты, а кто — мы?

Но в тот день удача решила надо мной подшутить — я умудрился забыть дома кроссовки. Сменки в мешке не оказалось, и на старт мне пришлось выйти прямо в тяжёлых уличных сапогах.

Прозвучал свисток. Мы сорвались с места, и к моему огромному удивлению, вперёд вместе со мной вырвался именно Андрей. Он дышал мне прямо в затылок. Меня это не просто удивило — это жестко ударило по самолюбию. Я выжимал из себя последние силы, сапоги казались налитыми свинцом, лёгкие жгло огнем, я физически не мог позволить какому-то аутсайдеру обойти меня. Но физика взяла своё. Буквально на финишной прямой, за несколько метров до черты, Андрей выдал резкий рывок и вырвал у меня победу.

Было дико, невыносимо обидно. Проиграть самому слабому пацану на глазах у всего класса! Когда мы, тяжело дыша, обступили его на финише и начали допытываться: «Андрей, ты как вообще нас всех обогнал?», он загадочно прищурился и выдал новую порцию шока: «Я всё лето карате занимался. Нас там так гоняли. Я теперь даже могу ладонью с ходу разбить стеклянную банку, плотно набитую песком».

Сам я этого трюка лично никогда не видел, но на моего друга Алекса эта легенда произвела неизгладимое впечатление. Спустя какое-то время на перемене Алекс по привычке решил подначить Андрея, сострив что-то в его адрес. Реакция последовала молниеносно. Щуплый Андрей молча встал и без лишних слов резко зарядил Алексу кулаком прямо в лицо. Я замер. Внутри меня всё было готово к зрелищу: сейчас Алекс, который был гораздо крупнее, просто накостыляет мелкому и размажет его по парте. Но Алекс... не стал отвечать. Он тупо замолчал, отвернулся и проглотил обиду. Чуть позже, когда мы остались вдвоём, я с недоумением спросил его: «Алекс, ты чего сдачи-то не дал? Ты же сильнее!». Алекс испуганно зыркнул по сторонам и тихо сказал: «Так ты чё, он же банку стеклянную ладонью разбивает...». Я ничего не стал отвечать, просто промолчал. Но внутри мне стало понятно, что Алекс обыкновенно струсил перед пацаном, который за лето напридумывал о себе красивых уличных мифов и грамотно ими воспользовался. К слову, этот Андрей оказался парнем с сюрпризом: помимо карате, он всерьёз увлёкся брейк-дансом, в итоге даже умудрился сняться в настоящем местном якутском фильме — исполнил эпизодическую роль, где колоритно танцевал брейк на дискотеке.

Но если Андрею его мифы помогали побеждать, то меня уличная реальность продолжала проверять на прочность без всяких сказок. На тех самых гаражах весной разворачивались настоящие ледовые побоища. Помню, солнце уже припекало, снег стал липким и плотным, и старшие парни смастерили на крышах гаражей огромную снежную крепость. Нас набралось человек двадцать, и мы разбились на две равные команды: десяток пацанов засел наверху, обороняя цитадель, а мы оставшейся десяткой штурмовали их снизу. Это был чистый восторг. Мы с хохотом лепили снаряды, уворачивались от встречных залпов, и всё шло весело, по-настоящему.

Пока в один момент правила игры не были нарушены. Я заметил пятиклассника с соседнего двора, который целился прямо в меня. Из его руки вылетел белый комок. Я был уверен, что это обычный мягкий снежок, и даже не подумал уклониться. Но это оказался кусок глухого, замерзшего льда. Снаряд с глухим стуком прилетел мне прямо в голову. От резкой боли в глазах потемнело. Игра тут же прекратилась, вокруг нас моментально собралась толпа. Дворовые парни, почуяв кровь, начали подначивать: «Юлик, ну и чё ты стоишь? Надо набить ему морду! Давай раз на раз!». Парень был на два года старше меня, и я знал, что он ходит в секцию бокса. Но я посмотрел на него и только мысленно ухмыльнулся: щупленький, ниже меня на целую голову. В моей голове промелькнула самоуверенная мысль: «Да какой там бокс? Я его сейчас просто как каток перееду и не замечу».

Но когда началась драка, я понял, как жестоко ошибся. Весь мой дворовый опыт и физическое превосходство умножились на ноль. Я махал кулаками со всей дури, но просто не мог по нему попасть — он ювелирно уклонялся, проваливал меня и с кошачьей быстротой возвращал удары. Его кулаки тупо прилетали мне в голову один за другим, методично и точно. Я даже сообразить ничего не успел, как из носа хлынула горячая кровь. На этом всё закончилось. На улице тогда действовало железное негласное правило: деремся до первой крови, либо пока кто-то не сдастся или не заплачет. Поединок был окончен, я был вчистую разбит.

Я прибежал домой, размазывая кровь по лицу, с одной-единственной яростной мыслью. С порога заявил маме:— Всё, с завтрашнего дня я иду на бокс!

Мама посмотрела на мой распухший нос, на багровые подтеки, тяжело вздохнула и отрезала:— Никакого бокса, Юлик. У тебя большая бурятская голова. Пока ты будешь учиться уклоняться и профессионально махать кулаками, ты получишь столько травм, что живого места не останется. Забуди.

Этот жестокий урок и мамин вердикт я запомнил на всю жизнь. На бокс меня так и не отдали, и тогда я решил перенести свои развлечения в квартиру. Когда за окном трещали северные морозы, я часами сидел в комнате и собирал сложные конструкторы. Одним из моих главных достижений стало настоящее радио. Это был советский конструктор, где нужно было терпеливо соединять провода, диоды и транзисторы. Когда я закончил сборку, радио оживо, работая от тяжелой прямоугольной батарейки «Крона», и это казалось мне настоящим волшебством.

А однажды мне подарили настольные часы-конструктор. Руки у меня были еще детские, неловкие, и в процессе сборки я случайно сломал хрупкую деталь балансира. Часы из-за этого сошли с ума и начали сильно спешить, прокручивая стрелки. Но мой отчим быстро исправил эту проблему — он работал профессиональным часовщиком, отлично знал цену точности и быстро поменял сломанный механизм на новый.

А вскоре меня наконец-то приняли в пионеры. И это смыло всю горечь прошлых поражений и маминых запретов. Нас принимали торжественно, под бой барабанов и шелест знамен. И когда мне на грудь повязали этот алый кусок ткани, мир вокруг преобразился. На улице стоял лютый тридцатиградусный якутский мороз, ломило пальцы, а изо рта валился густой пар. Но когда я шел домой, мне было плевать на холод. Я намеренно расстегивал верхнюю пуговицу своей тяжелой шубы, полностью расправив пионерский галстук поверх одежды. Я шел сквозь ледяной туман с распахнутой грудью, ловя колючий ветер, только ради одного — чтобы каждый прохожий, каждый взрослый в этом суровом городе видел: я — пионер. Внутри меня пылало огромное чувство гордости. Я стал частью великой и честной системы.

Мама, видя мою пионерскую гордость, пообещала: если я закончу третий класс без троек — она сама купит мне велосипед взамен того, первого, у которого хулиганы когда-то открыли руль. Я старался как мог. Но без троек закончить не удалось. По пению как была тройка, так и осталась. Мама посмотрела на мой табель, вздохнула и сдалась: «Ладно, пение не в счёт. Поехали покупать». По окончании третьего класса мы пришли на большую велосипед-

ную ярмарку. Но реальность Севера снова внесла свои коррективы: продавали одни спортивные шоссейники с тонкими, как струны, колёсами. Я понимал: дефицит — штука жестокая, сегодня деньги есть, а завтра их не будет. Куй железо, пока горячо. И мы взяли шоссейник.

Моему другу Сёме к тому времени достался взрослый «Урал» — тяжёлый, неповоротливый зелёный монстр. Сёма его терпеть не мог. Чтобы просто покататься, мы вдвоём, надрываясь, тащили этот «Урал» с его третьего этажа, а потом так же вдвоём волокли обратно. Мой же новый шоссейник был лёгким — я спокойно поднимал и спускал его в одиночку. Новую покупку тут же оценили все старшаки Красного двора. Начался великий пацанский бартер: мне по очереди давали погонять то на «Каме», то на «Орлёнке», а сами тестировали мой гоночный аппарат. Мы вылетали на проезжую часть, и мой велик был самым быстрым в округе — старшие парни уверяли, что этот зверь легко развивает скорость до 60 километров в час.

Но триумф длился недолго. Шоссейник не был создан для жестких дворовых нагрузок. На его хлипком багажнике тоже катались. На крутом повороте тонкий обод не выдержал веса, колесо резко прогнулось восьмёркой, и цепью буквально срезало спицы в нижней части рамы. Никто не был виноват — пацаны просто не знали, что спортивный велик такой слабенький. Я пришёл домой, размазывая слёзы по щекам. От обиды разрывало грудь: я катался на нём всего неделю! Я бросился к отчиму, умоляя наладить технику. Но отчим посмотрел на искорёженное колесо и холодно отрезал: — Нет, Юлик. Если я сделаю, а ты будешь просто кататься, ты никогда не научишься ценить вещи. Научишься делать сам — тогда и начнёшь относиться бережно.

Это был жестокий, но честный мужской урок. Шоссейник отправился в гараж и остался пылиться там вплоть до моего 10-го класса. Больше велосипеда на ходу у меня не было — я снова оказался пешеходом на обочине дворовых гонок.

Еще во втором классе я хотел заработать на нормальный, крепкий «Орлёнок» сам. И поэтому собирал пустую стеклотару. Одна бутылка стоила приличных по тем временам денег — двадцать копеек. Я искал их везде: за гаражами, в кустах, на пустырях. Находки часто были липкими, поросшими грязью. Сдавать в таком виде их было нельзя. Поэтому, дождавшись, пока мама уйдет на работу, я устраивал дома настоящую подпольную фабрику: набирал полную ванну теплой воды, погружал туда весь свой улов и принимался тщательно мыть бутылки, отдирая въевшиеся этикетки и вычищая чужую грязь. Этот упорный, тайный труд принес свои плоды — к четвертому классу в моей заветной заначке накопилось целых 40 рублей! Огромное пацанское состояние, которое я прятал, как самое дорогое сокровище на свете. Но впереди меня ждал четвертый класс и полный крах всех моих надежд...

Глава 5. Рабочие будни, вызов у забора и крах мечты

Во время каникул особо заняться в Якутске было нечем, и тут моё свободное время приняло совершенно неожиданный оборот. Меня позвал подработать Чука — тот самый второгодник, который когда-то в первом классе в составе троицы разбил мне нос в школьном дворе. Оказалось, у Чуки в торговле крутилась вся семья: мама работала продавцом в городском продуктовом магазине, папа был там грузчиком, и старший брат вкалывал на той же должности. В итоге мы с Чукой в свободное время превратились в полноценную рабочую силу. Нам, малолетним пацанам, взрослые спокойно доверяли разгружать тяжелые машины со снабжением. Мы слаженно, в четыре руки вытаскивали из кузовов лотки со свежим горячим хлебом и тяжелые коробки с повидлом.

Сердобольный персонал магазина, видя наши старания, постоянно пытался подкормить нас или сунуть что-нибудь вкусное за работу. Продавщицы заговорщически подмигивали и шептали: «Берите, пацаны, не бойтесь! Всё равно на бой и усушку споем». Но у нас с Чукой был свой кодекс чести — мы были гордыми, честными советскими детьми и никогда ничего чужого без спроса не брали. Наотрез отказывались. Как-то раз, вытаскивая из машины очередную партию выпечки, я не удержал лоток. Одна пышная булка хлеба выскочила и с глухим шлепком упала прямо в грязную лужу. Я очень расстроился — для меня, воспитанного в уважении к труду, это была настоящая катастрофа. Но опытный взрослый грузчик, наблюдавший за мной, лишь добродушно хмыкнул. Он подошел, поднял булку, тщательно отряхнул её от грязи рукой, поставил на подоконник поближе к горячей батарее и спокойно сказал:— Да ладно тебе, не расстраивайся. Сейчас высохнет — и продадим. Всё равно кто-нибудь купит.

И ведь продавали. Люди, приходя в магазин, всегда проверяли хлеб на мягкость специальной металлической ложкой на веревочке или просто руками. Но часто бывало так, что к вечеру на прилавке оставалась одна-единственная, последняя булка. Она могла быть твердой как камень, заветренной или немного испачканной в процессе транспортировки, но деваться покупателям было некуда — люди покорно забирали и её.

После этого опыта в магазине я, когда сам ходил за покупками, осматривал каждую булку хлеба с дотошностью заправского криминалиста. Впрочем, была одна вещь, перед которой пасовала любая брезгливость. Когда мне везло купить свежую, еще горячую булку белого, донести её до дома в первозданном виде было выше моих мальчишеских сил. Пока я шел до подъезда, я просто откусывал эту хрустящую корку, жадно жуя её прямо на ходу, и она бережно, методично обгрызалась зубами по всему периметру. Домой хлеб являлся знатно обглоданным, но мама за это никогда не ругала — ведь так делали практически все дети в Советском Союзе. Это был наш негласный закон.

Вообще, этот наш бесплатный, честный труд в магазине был частью общей пионерской закалки. В нашей крови тогда сидело незыблемое правило: помогать старшим безо всякой задней мысли. Мы не просто уступали места в автобусах, но и регулярно дотаскивали пожилым людям тяжелые матерчатые сумки до самой двери — у нас так было заведено. Правда, порой эта детская безотказность граничила с принаглостью. Помню случай, когда одна ушлая дворовая бабуля, заметив мою готовность помочь, не постеснялась и попросила зайти к ней домой, чтобы я на совесть выхлопал ей ковер.

Эта же привычка помогать боком выходила мне в самом магазине. Ещё до всякой талонной системы бывало так, что дефицитную колбасу продавали строго в одни руки — существовал жесткий лимит на человека. Стоило мне прийти в отдел за хлебом, как меня тут же перехватывала какая-нибудь незнакомая тетя из хвоста бесконечной очереди. Видя безотказного пацана, она просила постоять с ней ради лишнего куска. И я послушно стоял часа по два. Когда очередь подходила, она покупала положенные килограммы колбасы — на себя и «на меня».

Потом говорила «спасибо», и я уходил домой. Я помогал всем вокруг бесплатно, тратя часы своего детства.

Начало восьмидесятых принесло в Якутск жесткую талонную систему — большая часть базовых продуктов выдавалась строго по карточкам: мясо, сахар, сгущенное молоко, водка.

Из сладостей на нашу семью приходилось, к примеру, четыре банки сгущенного молока в месяц. Для нас это было не просто молоко, а неимоверная, запредельная сладость! До этого-то мы конфет особо не видели: мазали кусок хлеба сливочным маслом, густо посыпали сверху сахаром — вот тебе и всё пирожное. А в Улан-Удэ резали свежий огурец, сыпали на него сахар и ели. Нам казалось, что это самый настоящий арбуз! На Севере огурцы и арбузы вообще не продавались, мы их привозили из Улан-Удэ или Москвы. Поэтому, если кто-то возвращался из столицы, то обязательно, надрываясь, тащил домой дефицитные московские сервелаты и огромный, зеленый арбуз.

Одну банку сгущенки мы железно хранили на случай праздников — чтобы испечь торт «Наполеон». Оставшиеся съедали. Мы с отчимом наливали по стакану воды и за раз съедали по банке целиком. Мама в наших марафонах не участвовала — съедала от силы четверть, закрывала жестянку крышкой и строго-настрого запрещала нам к ней прикасаться. Но я стабильно через день тайно пробирался к холодильнику и съедал по одной чайной ложке прямо из мамин-ной консервной банки...

Вообще, талоны в нашей семье распределялись строго. Моя мама с отчимом вели трезвый образ жизни, но у нас в шкафу всегда, на всякий случай, дежурно стояли две бутылки «беленькой». В те годы водка была самой надежной и твердой валютой в стране. Если нужно было срочно решить сложный вопрос по сантехнике или электрике, приглашенные мастера никогда не просили денег — с ними всегда рассчитывались водкой.

Оставшиеся талоны на алкоголь мама обычно меняла у знакомых на мясные карточки. Но маме катастрофически не везло: каждый раз, возвращаясь из магазина, она возмущалась, что продавцы в мясном отделе ей снова навешали одних голых костей. Как-то раз, зная, что я постоянно кручусь подработкой в магазине и знаю весь здешний персонал, она обреченно вздохнула:— Юлик, ты там всё время тусуешься, знаешь всех... На, сходи ты за мясом. — И протянула мне четыре талона.

Я пошел в магазин. И назад принес ровно четыре килограмма чистойшей, идеальной говяжьей мякоти — ни единой косточки! Мама радовалась как ребенок. Она взхлеб строила планы: «Ой, сколько мы пельменей накрутим! Сделаем настоящих бурятских поз!». Я радовался вместе с ней, и внутри меня распирала дикая, законная гордость за то, что я так круто пригодился своей семье. Правда, очень скоро я об этой гордости сильно пожалел — мама быстро сообразила, что к чему, и отныне поход за продуктами стал моей официальной, тяжелой домашней обязанностью.

Самым страшным кошмаром было задание купить сметану перед большими праздниками — Новым годом или 8 Марта. Это был настоящий северный квест. Народ шел занимать очередь к дверям магазина с шести часов утра. А на дворе стоял лютый декабрь, мороз давил под минус 51 градус! Чтобы не превратиться в ледышки, люди прямо на заснеженной улице во дворе магазина жгли костёр. Мужчины караулили место в цепочке, пока женщины, за которыми они занимали, уходили на время греться в ближайшие подъезды. К моменту открытия магазина на улице образовывалась гигантская, злая толпа. В этих бесконечных очередях люди быстро зверели от холода и давки: постоянно вспыхивала ругань, доходило до жестких драк. Особенно страшно было проходить мимо вино-водочных отделов — там взрослые мужики в ушанках из-за дефицитных бутылок дрались просто насмерть, в кровь.

Один поход за сметаной я запомнил на всю жизнь. Магазин был забит людьми так, что дышать было нечем. Отстояв внутри душного зала больше часа, я вдруг почувствовал, что мне становится очень плохо. Перед глазами поплыли черные круги, у меня начало стремительно

пропадать зрение. В ушах зазвенело, накатило четкое ощущение, что я прямо сейчас рухну на кафельный пол и потеряю сознание. А впереди меня стояло еще как минимум десять человек... Собрал последние силы, я повернулся к стоявшей рядом незнакомой женщине и тихо описал свое состояние. Женщина оказалась боевой. Она моментально оценила мой бледный вид и на весь магазин истошно закричала:— Люди! Запомните нас с мальчиком! Мы сейчас выйдем подышать, а потом вернемся без очереди, ему плохо!

Она бережно вывела меня на крыльцо. Едва в лёгкие хлынул чистый якутский мороз, мне с первого же вдоха стало легче. Голова прояснилась. Через несколько минут мы вернулись обратно в душный магазин, и, к моему удивлению, огромная, уставшая толпа молча и покорно расступилась, пропустив нас с ней вперед без единого злого слова. Что самое интересное — я ведь вполне мог регулярно пользоваться своими знакомствами с грузчиками и заходить за любым дефицитом с заднего, служебного хода. Но мне было дико, невыносимо стыдно это делать. Я не хотел быть «блатным». Я предпочитал честно стоять как все обычные люди в общей очереди, где у многих бабушек в руках были даже специальные складные деревянные стульчики, чтобы хоть как-то пережить эти изнурительные часы...

Когда наступали холода, развлечения переносились в тесную квартиру. Мой отчим купил домой шикарный настольный хоккей — предел мечтаний любого советского пацана. И это были, пожалуй, самые классные, азартные времена. Отчим подошел к делу серьезно: он сам часами тренировался на кухонном столе, потому что у них на работе с коллегами было принято рубиться в этот же хоккей по-взрослому — на реальные деньги. Меня он обучил всем тонкостям и фишкам. Он показал, как крутить металлические штыри, как ловить шайбу на крюк клюшки, как делать резкие щелчки из-за ворот и пасовать в касание. Мы тренировались с ним каждый вечер до мозолей на пальцах. В итоге мы с ним заиграли на таком профессиональном уровне, что наши матчи можно было без стыда транслировать в прямом эфире по Телевидению. На пластиковом поле кипели такие нешуточные страсти, перед которыми блекли любые канадские суперсерии, а грохот маленькой пластиковой шайбы о борта заглушал даже звуки нашего старого телевизора.

В те же долгие зимние вечера я окончательно перерос детскую периодику. На смену старым журналам в моей комнате пришли стопки культового «Юного техника», над сложными схемами, чертежами и изобретениями из которого я мог сидеть часами, мечтая собрать что-нибудь эдакое. Мамины журналы меня уже мало интересовали — я был полностью поглощен миром прикладной науки.

Но если на улице и в магазине мне удавалось находить общий язык с людьми, то в школе в четвёртом классе тучи надо мной начали стремительно сгущаться. Мой авторитет лидера оставался непререкаемым, однако с Алексом, моим лучшим школьным другом, динамика становилась всё более сложной. Мы периодически обменивались короткими ударами на переменах — не дрались в полную силу, а словно прощупывали друг друга. Возможно, Алекс втайне хотел переиграть меня, подняв свой статус в глазах пацанов. До сих пор не знаю, что им двигало, но в один из дней он официально вызвал меня на бой за школьным забором. «Раз на раз».

Когда мы вышли на задний двор, меня поразило и ранило до глубины души то, как моментально раскололся наш класс. Одноклассники начали азартно занимать стороны. Те парни, от которых я ждал безоговорочной поддержки, вдруг сделали шаг назад и встали за спиной Алекса. Даже Чука — второгодник, с которым мы еще недавно честно вкалывали в магазине, предал меня и ушел к Алексу. Зато другие ребята, от которых я вообще ничего не ждал, неожиданно выстроились за моей спиной. Другой хмурый второгодник молча встал рядом со мной, готовый держать тыл. Алекс жаждал этой драки. Он стоял напротив и деловито, как чужой человек, обговаривал с одноклассниками уличные правила: до какой крови деремся — до первой или пока соперник не сдастся? Пинаем ногами лежащего или работаем только на кулаках?

Мне было дико обидно. Мой лучший друг, человек, с которым мы делили электронную игру «Ну, погоди!», крутили диафильмы на простыне и тайком подсаживали друг друга у окон девчоночьего медосмотра, сейчас стоял в кругу толпы и хладнокровно обсуждал, как именно он будет меня бить. Я смотрел на этот живой коридор из одноклассников, который жаждал зрелища и крови, и внутри меня что-то окончательно перегорело. Когда круг замкнулся и Алекс встал в стойку, я просто опустил руки. Посмотрел ему прямо в глаза и твердо сказал:— Алекс, я драться с тобой не буду. Ты мой друг. Но если ты так сильно хочешь этой драки — бей первым. Тогда подеремся.

Наступила звенящая тишина. Толпа вокруг замерла, ожидая удара. Мы стояли друг против друга, разделенные полуметром ледяного воздуха, минут десять. Алекс держал кулаки, пристально вглядываясь в мое лицо, пока в его глазах наконец не растаяла эта глупая уличная спесь. Он медленно опустил руки, тяжело вздохнул и тихо ответил:— Да ты тоже мой друг... Я не буду бить первым.

На этом всё и закончилось. Толпа разочарованно загудела и начала расходиться. Мы отстояли свою дружбу перед лицом всей школы, доказав, что пацанская верность весит больше, чем дешевый дворовый авторитет.

В этот же период моя семейная жизнь закрутилась в новом ритме — у мамы и отчима родилась моя маленькая сестренка. В нашей кирпичной двушке стало нестерпимо тесно. Мама начала активно искать объявления об обмене жилья: у нас была двухкомнатная квартира, у отчима — холостяцкая однушка, и они пытались объединить этот нехитрый советский капитал в одну большую площадь. Семья росла, мир вокруг менялся, а меня впереди ждала та самая злополучная проверка «на вшивость».

Мы с Алексом к тому времени окончательно невзлюбили Антона — третьего мальчишку из нашей бывшей компании. Он казался навязчивым, постоянно надоедал, и мы искали повод подраться, но повода не было. И тогда я решил проверить его. Мы оказались с Антоном вдвоем в пустой школьной раздевалке. Я начал создавать имитацию, будто шарюсь по чужим карманам пальто и курток. Сам я ничего не брал, руки были чистыми, но я надеялся, что Антон соблазнится и подключится к «краже». К моему огромному удивлению, Антон не просто отказался — он начал горячо меня отговаривать, стыдить и просить перестать. Я уже внутренне устыдился, понял, что проверка окончена и Антон парень честный, как вдруг дверь с грохотом распахнулась.

На пороге стояла наша новая классная руководительница. Она нас почти не знала и с порога ледяным голосом объявила, что всё это время стояла за дверью и подслушивала наш разговор. Мои попытки объяснить, что это была всего лишь глупая проверка, разбились о глухую стену взрослого недоверия. Для нее всё было очевидно: мы оба вору, промышленные в школьной раздевалке.

Нас поволокли в кабинет к завучу. Нас держали там под конвоем, пока в кабинет, задыхаясь от гнева, не влетела мама Антона. Она с порога устроила дикую истерику, крича на сына и рассказывая, какой честный у неё сын:— Я же тебе говорила! Не дружи с этой компанией! У нас дома всегда в серванте лежит 500 рублей, и наш сын ни копейки оттуда не взял, а теперь с этими ворами связался!

Нас никто не слушал. Оправдания о том, что из карманов ничего не пропало, тонули в криках взрослых. Нас официально признали малолетними преступниками. Я смотрел на бледного, перепуганного Антона и понял: пахнет детской комнатой милиции, ситуация патовая, из-за моей дурацкой затеи сейчас уничтожат парня, который ни в чем не виноват и вообще меня отговаривал. И тогда я принял решение, которое посчитал мужским. Я сделал шаг вперед и сказал:— Это я воровал. А Антон ни при чем. Он просто увидел и пытался меня отговорить.

Учителя и завуч с видимым облегчением ухватились за эту версию. Антона с плачущей матерью тут же отпустили. А меня оставили дожидаться мою маму. Меня вписали в какую-то

страшную черную тетрадь учета, подробно задокументировав «преступление». Когда пришла моя мама, ей сухо объявили: в школе будет проведено экстренное собрание во всех классах, и если кто-то из учеников заявит, что у него в этот день пропали деньги, нашей семье придется вернуть их до копейки.

Мы шли домой с мамой в гробовом молчании. По дороге я пытался сказать ей правду, клялся, что ничего не брал, что это была глупая проверка... Но она мне не верила. В ее глазах горело глухое разочарование. На пороге квартиры она обернулась и отрезала:— Если хоть у кого-то в школе пропадут деньги, теперь будет понятно, как ты накопил свои 40 рублей. Я их конфискую.

Внутри у меня все заглодело. Я был на сто процентов уверен, что ни у кого ничего в тот день не пропадало, ведь я даже не прикоснулся к чужим вещам. Но на следующий день в школе нашлась одна крыса. Какой-то с параллели одноклассник, почуяв выгоду и общую травлю, заявил, что у него из кармана пропали 50 копеек. Мама молча вернула ему этот полтинник. А вечером пришла домой и выполнила угрозу — забрала у меня все мои честно заработанные мытьем бутылок 40 рублей.

Мечта о собственном подростковом «Орлёнке», на который я долго и упорно копил каждую копейку со второго класса, накрылась медным тазом. Это была полная катастрофа. Первый мой велосипед когда-то отобрали уличные хулиганы, оставив в руках один только открученный руль. Второй, гоночный шоссейник, в щепки раскатали и сломали дворовые старшаки. А заначку на третий велосипед, которую я выстрадал собственным тайным трудом, отбирала родная мать, поверив подлой чужой лжи ради выгоды в полсотни копеек. Внутри будто что-то навсегда оборвалось. Осталась только горькая, взрослая пустота и леденящая кровь обида на весь этот несправедливый мир...

Глава 6. Звонок из прошлого, 25 рублей и футбол в носке

Обида на весь мир еще жгла грудь, а в пустой комнате по-прежнему звенела эта несправедливая тишина. Мне всё еще было десять лет, но внутри словно рухнуло всё моё детство — осталось лишь холодное оцепенение. И именно в этот пик полного одиночества в коридоре оглушительно раздался звонок стационарного телефона.

Мама подняла трубку — на том конце провода молча сбросили вызов, слышались короткие гудки. Через какое-то время звонок повторился, и снова — тишина, стоило ей ответить. На третий раз я оказался ближе к аппарату и успел перехватить трубку первым.

Из трубки сквозь треск и шуршание помех раздался незнакомый, глуховатый мужской голос:— Алло, Юлик? Это я. Я твой папа.

Сердце пропустило удар. Отец, которого я не видел с девяти месяцев, о котором не знал вообще ничего, звонил мне сам. Единственным человеком в семье, кто когда-либо говорил мне о нём, был дед. Он всегда мягко повторял: «Отец у тебя хороший, просто так у твоих родителей сложились обстоятельства...». И вот теперь этот человек из рассказов деда сам дышал в трубку.

Он говорил быстро, торопливо: сказал, что приехал в Якутск и очень хочет со мной встретиться, но горячо попросил — ни в коем случае не проговориться маме. Тайны мне были не в новинку, а обида за конфискованную записку еще жгла сердце, поэтому я согласился без колебаний.

На встречу я шел с колотящимся сердцем. Место было назначено прямо на улице. Вдалеке у железного забора стоял лысый дядька. Мне было дико, до дрожи в коленях страшно, но детское любопытство оказалось сильнее любого страха. Я сделал глубокий вдох и подошел ближе. Он посмотрел на меня, улыбнулся — и весь мой страх медленно растаял.

Мы общались и тайно встречались несколько дней подряд, скрываясь от всех. В самый первый день мы пошли в фотоателье и сфотографировались на память — яркая вспышка магния, тяжелый запах химикатов и глянцевая карточка, на которой мы сидим рядом: два чужих и одновременно самых родных человека на земле. Он расспрашивал о моей жизни, я что-то сбивчиво отвечал, внимательно вглядываясь в его лицо, пытаюсь отыскать в его чертах самого себя.

Когда пришло время его отъезда, мы стояли на колючем северном ветру. Отец достал из кармана клочок бумаги и протянул мне:— Здесь мой адрес. Пиши мне обязательно, Юлик. Только спрячь его так, чтобы мама никогда не увидела.

А еще он достал деньги и вложил мне в ладонь хрустящую зеленую купюру — целых 25 рублей. Сумасшедшее, нереальное состояние для десятилетнего пацана, ставшее моментальной компенсацией от самой судьбы за разрушенную мечту о велосипеде.

Я прибежал домой, когда квартира была пуста. Трясущимися руками подошел к чугунной батарее отопления — мне казалось, что это самое надежное, стратегическое укрытие в доме. Я ювелирно запихал бумажку с отцовским адресом глубоко между секциями, в самый темный угол за железные трубы. Запихал так усердно и надежно, что когда спустя время попытался ее достать — листок провалился куда-то в глухую внутреннюю щель. Как я ни ковырял там пальцами, как ни светил фонариком — адрес исчез навсегда. Отец снова растворился в тумане, оставив мне на память только деньги и глухое молчание — вплоть до моих семнадцати лет.

Но у меня в руках были двадцать пять рублей, и у меня появилась новая цель. Я давно бредил одной игрушкой, которую увидел на витрине, — настольным футболом на магнетиках. Это было настоящее чудо инженерной мысли: пластиковое поле, снизу водишь длинными руч-

ками на магнитах, а сверху двигаются пластиковые футболисты и бьют по мячу. Стоила эта роскошь ровно 10 рублей.

Купить дорогую покупку в Якутске тоже было квестом. Возле магазина регулярно дежурила уличная шпана. Если они видели мелкого пацана с крупной купюрой в руках или кармане, тебя перехватывали в секунду, прижимали к стене и отбирали всё до копейки. Поэтому я применил проверенную уличную тактику: аккуратно сложил 25 рублей вчетверо, разулся и запихал деньги глубоко в носок, прямо под пятку. Шел до самого магазина, заметно прихрамывая и чувствуя, как жесткая бумага колет кожу при каждом шаге, но на душе было лихо и гордо. В «Детском мире» я вытащил заветную купюру, пахнущую шерстяным носком, и протянул продавщице — в руках оказалась огромная, заветная коробка с футболом.

Только на обратном пути до меня дошло: а как объяснить маме, на что я купил эту вещь? Ведь мои 40 рублей конфискованы, карманных денег мне не дают, а за покупку в 10 рублей меня снова могут объявить воров. В голове крутилась одна мысль: «Об этом я подумаю потом. А пока — буду прятать». Коробка была слишком большой. Как я ни пытался засунуть её под кровать или за сервант, покупка все равно раскрылась в первый же вечер. Мама зашла в комнату, увидела настольный футбол, и ее взгляд моментально потяжелел. — Откуда это? — ледяным голосом спросила она.

Я стоял, переминаясь с ноги на ногу. Ничего путного мой мозг выдать не смог, врать про то, что «нашел на улице» коробку за 10 рублей, было глупо. Пришлось признаться во всем: и про тайные звонки, и про лысого дядьку на улице, и про 25 рублей от отца. Я внутренне зажмурился, ожидая грандиозного скандала, криков и того, что футбол порежут на кусочки, а оставшиеся 15 рублей снова отнимут.

Но мама вдруг замолчала. Она долго смотрела на меня, и в ее глазах вместо злости появилось какое-то усталое, суровое северное понимание. Она вздохнула, посмотрела на мои изношенные валенки и тихо сказала: — Сына... У тебя зимних ботинок нет. Скоро морозы под пятьдесят ударят, ходить совсем не в чем. Давай на оставшиеся пятнадцать рублей мы купим ботинки тебе.

Я посмотрел на яркую коробку с футболом на магнитиках, потом на маму. Глухая обида за прошлые несправедливости и конфискованную заначку куда-то отступила. Я молча кивнул и согласился. Зима в Якутске действительно наступала стремительно, а держать удар на улице лучше всего в крепких, надежных ботинках.

Глава 7. Больничные чертики, осы и район Рабочего городка

Зима и весна пролетели незаметно. После окончания четвертого класса мой привычный жизненный круговорот в очередной раз увлек меня к бабушке в Улан-Удэ. То лето в Бурятии поначалу тянулось лениво и обыденно, но именно тогда я попал в больницу. Мне назначили серьезную операцию — резекцию носовых раковин, чтобы я наконец-то мог нормально дышать ледяным северным воздухом.

Сама эта операция превратилась в настоящий детский кошмар, который навсегда врезался в мою память. В операционной меня без лишних церемоний жестко привязали к столу кожаными ремнями — зафиксировали руки, ноги и даже голову, чтобы я не мог шевельнуться. Сначала поставили какой-то укол в вену. А следом будничным тоном объявили, что сейчас введут местное обезболивающее. Я наивно думал, что это будет обычный, терпимый укол, как в руку. Но реальность оказалась чудовищной. Врач взял длинную толстую иглу и вогнал её мне прямо в нос, с хрустом пробивая хрящевую ткань. От этой дикой, неожиданной вспышки боли я заорал как недорезанный, дергаясь в ремнях.

Едва я перевел дыхание, хирурги спокойно сказали: «Ну вот, обезболивающее поставили. Теперь начинаем операцию».

В мою ноздрю засунули холодный металлический инструмент, который по ощущениям напоминал огромные слесарные кусачки, и принялись с хрустом резать и выкусывать те самые хрящи, которые только что пробивала игла. Было адски, невыносимо больно. Мой детский мозг вообще не мог взять в толк: зачем нужно было терпеть тот страшный укол в нос, если сама операция всё равно идет по живому и приносит такую лютую муку? Когда врачи закончили с одной стороной и хладнокровно взялись за вторую ноздрю, мне искренне казалось, что я прямо сейчас умру от болевого шока прямо на этом столе. Но детский организм выдержал, всё обошлось.

После пережитого ужаса само лор-отделение казалось курортом, хотя и оно жило по своим жутким законам. В палате я сдружился с местным пацаном, которому удалили гланды. Особых развлечений в четырех стенах не водилось, и от полнейшего безделья мы развлекались как могли. Нашим любимым и жутковатым квестом было тайком бегать по коридору к дверям операционной и, замерев, слушать, как внутри точно так же истошно кричат от страха и боли другие дети. Местная анестезия тогда, как я уже понял на личном опыте, часто была чисто символической.

Как-то раз на операцию завели девочку — года на два старше нас. Мы по привычке пристроились у косяка, прижались ушами прямо к крашеной деревянной двери и приготовились слушать. Минута, две, пять — гробовая тишина. Мы в недоумении прижимались всё сильнее, пытаясь уловить хоть один звук, как вдруг дверь резко распахнулась. На пороге стояла эта сильная, не издавшая ни единого писка девчонка и недоуменный хирург в окровавленном халате. Мы с треском отвалились от косяка, поймав на себе их презрительный взгляд, и позорно дезертировали в палату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.